

КОЖУРС

Генерал Бенарюла

Таврида

Надежда Белякова

Конкурс

«ПЦ Александра Гриценко»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Белякова Н.

Конкурс / Н. Белякова — «ПЦ Александра Гриценко»,
2016 — (Таврида)

Книга Надежды Беляковой – это импульс к размышлению. Она заставляет задуматься о многом. О том, как нужно беречь родных и близких людей. Как нужно ценить искренние чувства и дорожить ими. Как нам всем нужно быть добрее друг к другу. Потому что вернуть кого-то или что-то уже может быть поздно...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Белякова Н., 2016
© ПЦ Александра Гриценко, 2016

Содержание

1. Наталья	7
2. Бур	10
3. Йельс	13
4. Наталья	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Надежда Бе́лякова Конкурс

Надежда Бе́лякова родилась в Москве.

Она член Союза художников России и Союза писателей России.

По окончании художественной школы им. В. Серова поступила в Московский полиграфический институт. Во время учёбы, как художник-иллюстратор и книжный оформитель, совмещала учёбу и работу со многими московскими издательствами. После института работала на ТВ художником-постановщиком и графиком в Главной редакции для детей и юношества и одновременно занималась оформлением книг в издательствах. Участвовала во многих художественных выставках. Но с самого детства, чем бы ни занималась, писала сказки, детские стихи, сценарии и прозу.

Выпустила две книги своих сказок; «Сказки Мухи Жужжалки» и сборники «Сказки», «Сказки Надежды». Надежда Бе́лякова пишет не только для детей, но и прозу, адресованную зрелому и взыскательному читателю. В издательстве Интернационального Союза писателей была издана ее книга рассказов «Ругачевские чудеса». Многие из написанного Надеждой Бе́ляковой было опубликовано в детских и литературных журналах.

Надежда Белякова как режиссер и композитор создала по своим сказкам аудиоспектакли. Эти аудиосказки не только звучат в радиопередачах, но и широко представлены слушателям как в Интернете, так и на многих аудиодисках в книжных магазинах.

Надежда Белякова создает авторскую анимацию по своим сказкам и сценариям. На различных международных анимационных фестивалях ею были получены дипломы и награды.

1. Наталья

В комнате Натальи стоящий у окна обеденный стол всегда занят ее справочниками фармацевта, разноцветными блокнотами с ее рабочими записями- набросками перевода аннотаций к лекарствам с английского на русский язык. Здесь же и множество словарей разных форматов. Все это было разложено стопками по всему столу по каким-то только ей известным правилам. В последние годы это перестало смущать Наталью.

А раньше, еще лет десять тому назад – привычно советское «Вот придут гости...» и традиция ее семьи: свежая скатерть на столе + хрустальная вазочка с конфетами = знак уюта, как знак того, что жизнь в этом доме сложилась, все же еще долго после того, как не стало ее родителей, неукоснительно соблюдалась Натальей. Но с годами это соблюдение парадности в ожидании мифических гостей стерлось. И вся рабочая библиотека на обеденном столе (чтобы быть «под рукой») стала частью ее домашнего обихода. Компьютер вместо вазочки с конфетами прочно обосновался там же.

И теперь она – сорокалетняя незамужняя женщина, не подчиняющая свой быт напрасному ожиданию несбывшихся гостей или гостя. Словом – современная женщина. И время, отражаясь в её облике, оставляло свои отметины; начав с образа прелестной и хрупкой девушки, но не отвлекаясь на не пройденные ею ипостаси жены, матери семейства, молодой бабушки, – замерло. Поэтому с годами она внешне словно не становилась старше, а скорее приобретала облик увядающей девушки. И семья ее состояла из бабушки, ее самой и их воспоминаний. Наталья стала хорошим и востребованным переводчиком с английского языка в области фармацевтики.

И в этот вечер после звонка заказчика, пообещавшего скоро расплатиться за выполненный ею перевод текстов-аннотаций к лекарствам, которые обещали все виды исцеления, Наталья включила компьютер и села за свою обычную работу переводчика. Поставив рядом со словарями и разрозненными листами ее рабочих записей свою любимую большую чашку со свежесваренным зеленым чаем с жасмином, она погрузилась в привычный мир своей работы.

Работая, она произносила вполголоса замысловатые, пока во многом неизвестные и ей самой названия импортных лекарств. Они звучали как магические заклинания. И притихшая за ее спиной полусидящая и дремлющая в кресле бабушка тоже вслушивалась. Отмечая про себя и дегустируя на слух, внушит ли услышанное созвучие доверие воображаемому пациенту, нравится ли ей самой то или иное название или не очень.

Бабушка Натальи – старушка, заботливо закутанная Натальей в плед, старалась не отвлекать внуку по пустякам, понимая, что та работает. Но... Желание пообщаться и поболтать все же время от времени побеждало ее дремоту, и поэтому Наталье приходилось ей отвечать, терпеливо что-то поясняя.

Наталья и сама явно засыпала. И чтобы взбодриться, стала бродить по Интернету. Над чем-то посмеивалась. Что не ускользнуло от внимания бабушки. Потом Наталья заглянула на сайт современных киносценаристов. Тут она и увидела объявление о проведении конкурса на тему «Триллер». Она ознакомилась с правилами проведения конкурса. Это явно затягивало и увлекло Наталью настолько, что ей стало не до работы. И она машинально отодвинула книги в сторону. Заметив перемены, ее окликнула бабушка, державшая Наталью под неусыпным и пристальным вниманием:

– Над чем ты там посмеиваешься, Наташа? – с любопытством спросила бабушка.

– Да вот нашла в Интернете... тут конкурс сценаристов. Тема сценария «Триллер». Хочу тоже написать...

Уже было готовая улететь в объятья Морфея бабушка взбодрилась и насторожилась:

– С каких это пор ты стала сценаристом? – произнесла она с характерным для старинных людей музыкально-продолжительным «эээ». – И что такое триллер? Слово-то какое-то неудобное. Раньше все про любовь писали!

Наталья рассмеялась над бабулиными сентенциями:

– Про любовь? Хм... про любовь, бабуль, это и есть настоящий триллер!

Наталья отвлеклась от компьютера. Встала и поправила бабушке подушки. Привычно подала ей лекарства, надела ей чистые носки, продолжая беседовать с ней с иронической интонацией, подшучивая, стараясь ее немного развеселить, сопровождая все рассказанное уморительными гримасами. Принесла ей поесть и стала кормить бабушку с чайной ложки творогом, продолжая болтать:

– Бабуль! Триллер – это когда жуть нагнетается, нагнетается постепенно. Да так, что зритель уже в обмороке от ужаса и потому не замечает, что фильм уже закончился. И глазам своим не верит, когда на экране видит вместо горы дымящихся трупов на фоне брезжащего рассвета титры и «Конец фильма».

– Вот, наверное, потому я и дожила до 80 лет, – о, как вкусно! – что такое в кино по пять раз на дню не показывали. Да! Раньше это называли бы «рэализмом». Ангел мой! Это ты собираешься такими глупостями заниматься?

– Бабуль! Ты несносная кокетка! Тебе уже 89, а не 80! Попробую написать триллер! Это конкурс! Интересно!

Мелкими старческими движениями, но все же немного кокетливыми, бабушка самостоятельно вытерла губы и, обрадованная появлением новой темы, продолжила расспрашивать Наталью:

– И что же, большой приз дадут? Деньги? Золотые кубки с надписями? Ради чего молодая красавица будет просиживать вечерами у этого дурацкого ящика? В мое время ругали телевизор. Но там хотя бы в полночь пере дачи заканчивались! А этот кошмар – сутки напролет светит в ночи – сплошной подрыв здоровья! Глубокий сон – вот кузница красоты!!!

Наталья рассмеялась, унося посуду в кухню, продолжая объяснять:

– Глубокий сон – это летаргия, бабуль! Вернулась в комнату, начала укладывать бабушку спать, продолжая болтать с нею:

– Нет, призов не будет! Выигрывает конкурс тот, у кого первого купят сценарий! Кто не рискует, тот не пьет шампанское! Назначают день, и все одновременно начинают писать. Ну ладно тебе, бабуль! А что, лучше от бессонницы по ночам писать стихи о неразделенной любви? Это тоже общение. И ехать никуда не нужно. И тебе не придется волноваться: «Когда же вернется моя Наташенька?» А то стоит мне где-нибудь задержаться, так ты готова ночевать на холодном подоконнике, прилипнув к окну! Я уже взрослая девочка! Что хочу, то и делаю!

Увидев свою пустую чашку, стоящую между словарями, взяла ее и пошла в кухню. Бабушка, почти выкрикивая ей, чтобы Наташа и в кухне сквозь шум включенной воды слышала ее:

– Ну просто, знаешь ли, триллер... А нельзя ли там водевиль написать? Посоветуй им там в этом – в Интернэээте! Помнишь, у Ахматовой: «Кто чего боится, то с тем и случится!»

– Но я-то ведь ничего не боюсь! – попыталась пресечь споры Наталья, вернувшись из кухни.

Но бабуля была явно приободрена новой темой и потому не унималась:

– И напрасно! Это небезопасно, всяческие ужасы и кошмары про себя прокручивать, превращая себя в мясорубку, чтобы вышел фарш кошмарных химер! Ну, ну! Не сердись на меня, старую ворчунью! Я полежу, подумаю, помечтаю еще. Спать совсем не хочется. Еще чуть-чуть...

Уложив спать бабушку, Наташа решительно села за компьютер. Она немного написала о себе, но представилась на форуме как Миралинда. Она удивилась, что отклик был моментальный. Ее тотчас приветствовал на форуме некто с ником «Бур».

2. Бур

Бур в прошлом был буровиком. Закаленный, старый, измотанный отнюдь не мотанием по буровым, а гораздо в большей степени – нахлынувшей новой постперестроечной действительностью, в которой ему пришлось изрядно «почелночничать», порой рискуя жизнью. Пишущий на форуме сценаристов под ником «Бур», дома он всегда ходил босиком. Так было и в тот вечер. Он и сидел босой за компьютером в своей комнате, которую он торжественно именовал своим кабинетом. То, что в его «за полтинник» он обзавелся своим кабинетом, всегда было его мальчишеской радостью. Это был не просто кабинет солидного мужчины, что было очевидно при взгляде на него со стороны, но и комната исполнения его желаний. Поэтому на его массивном письменном столе, украшенном затейливой ручной резьбой, красовалась романтическая, тщательно выполненная каравелла, стоящая среди коллекционных моделей машинок «Бугатти», «Феррари» и прочих гоночных красавиц. На ковре была разложена дорогуша детская железная дорога.

Это был его мир, за порогом которого царила его жена – Зоя. Там был правильный, выстроенный умной и домовитой женщиной миропорядок, которым он очень дорожил: с добротной мебелью, ухоженным паркетом и обедами, с беседами за столом, обсуждениями – с домашней болтовней.

Да и Зоя любила посидеть в кабинете у него за спиной на диване с вязаньем.

В этот вечер увесистый клубок ярко-красной шерсти лежал у ее колен на диване, и металлические спицы в ее руках позвякивали тихо и умиротворенно.

Их дочери Олеси дома не было. А в те вечера, когда ее не было дома, чем бы они ни занимались, оба, не признаваясь друг другу, были погружены в ожидание возвращения дочери.

Бур допечатал свой синопсис. И выложил его на обсуждение на сайте сценаристов, где был объявлен конкурс «Триллер». Ожидая, когда появятся первые рецензии, он просматривал, что появилось новенького и кто из новеньких присоединился к этому конкурсу. Увидел, что на дисплее возникла новая аватарка с подписью «Миралинда». Стал читать, кто такая, что пишет.

Удивительно, но спицы за его широкой спиной тотчас перестали позвякивать. Зоя плавно встала с дивана и подошла к нему сбоку. Положив теплую руку ему на плечо. Зоя заинтересовалась, чем он так увлечен на этот раз. Бур, не оборачиваясь, пояснил:

– А помнишь, на сайте киносценаристов всей компанией решили одновременно писать на заданную тему? Каждый одновременно писал синопсис, а потом сценарий на тему «Сказка». А теперь та же компания собралась писать на этом же конкурсе, все одновременно будут писать сценарий на тему «Триллер».

– Да, уж тебе-то есть что вспомнить! Как вспомнишь – так вздрогнешь! Ох, ужасы тех лет перестройки, когда мы с тобой «челноками» мотались-то! То из Турции, то из Польши... и все тюки и тюки... Только знаешь, Гриш... Не надо об этом! Не вспоминай и не пиши. Прошу тебя. Не надо! Не буди призраков!

Но Бур возразил ей:

– Ну что ты, Зойка! Так всю жизнь и бояться? Всю жизнь в страхе таиться?! Пусть знают, как оно было! Как нам все досталось! Мы ж – свидетели того времени! Я же понимаю, чего ты боишься: вспоминать то возвращение из Польши. Но ведь столько лет прошло. Тех гадов и кости небось уж истлели, давно перестреляли друг дружку или глотки друг другу перегрызли. Нужно вспоминать! Вон, Леська-то наша все нос воротит: «Это – фирма, это – в теме, это – не в теме»... А еще шедевр – «Это ж я!» Письмо Татьяны Лариной хорошо бы

так подписать! А интересно было бы выпустить адаптированное издание хрестоматии на их сленге, с их же слоганами! Ну, что ты сердишься? Зойка! А??

Он спорил с женой все сильнее и сам почувствовал, как в нем поднимается волна упрямства. Того самого упрямства, на волне которого он многого добивался в жизни. Построил эту квартиру, заработал достаток семьи, в котором они живут. Неуклонно растущее, азартное и даже злое – упрямство! Как давно он не ощущал этого. И поэтому этого он уступить не мог даже своей Зое. Хотя за все прожитые вместе годы оба они давно уже, отвечая на обычный вопрос «Как дела?», всегда начинали с «мы». И так же продолжали. Да и старая «заноза» не отпускала его даже спустя столько лет.

Поэтому он и стал спорить с женой. И считал, что этот конкурс позволит ему вспомнить и пережить, чтобы забыть, но теперь уже навсегда. Как перебирают шкаф, вытряхнув из него все, и только тогда можно окончательно выкинуть уже больше не нужное.

Зоя вышла из комнаты. И Бур начал описывать то, что пришлось ему пережить. Что больно было вспоминать – многое из реально пережитого им во времена перестройки. Зоя сильно разволновалась. Опять вернулась и сделала еще несколько попыток отговорить его писать о пережитом. Но Бур уже ушел в воспоминания о годах перестройки. О том, как они с Зоей – два инженера, потеряв работу, «челночничали» ради того, чтобы выжить в ситуации утраченного уважения к полученному образованию, к диплому, к профессионализму и мастерству. Как к этому относиться сегодня? Он вспоминал, как тогда это все рухнуло в сознании общества тех лет. Те поездки в заграницу за товаром – шмотками, новомодной бытовой техникой, чтобы закупить и привезти для продажи на рынках, в палатках, никакого отношения к прогулкам за границу, к туризму не имели. Каждый раз это было опасной затеей с риском для жизни в борьбе за право жить и не голодать. Потому что они охотились за товаром, но на этой охоте – охотились и за ними. И таких охотников на несколько «челночников» с мешками и коробками было много – рэкетиры, бандиты в погонах и без – их западни и подставы поджидали трудяг-«челночников» на каждом шагу.

И теперь Бур отчетливо вспомнил даже запахи того вагона. В его памяти всплывали тяжелые для него воспоминания. Тогда Зоя осталась дома с заболевшей дочкой. И Бур уехал с парой бывших сокурсников и своим бывшим начальником отдела, который оказался закрытым вместе со всем большим и некогда именитым государственным предприятием.

Тогда они – «челночники» – возвращались из Польши с тюками и коробками, забытыми дефицитной в то время аппаратурой. Радовались, что многое трудное уже позади. Пили пиво в купе, но напряженность и настороженность не покидала их ни на минуту. И они обсуждали и спорили, на каком километре при подъезде к Москве нужно будет, не дожидаясь прибытия поезда на вокзал, сбрасывать тюки с товаром и самим спрыгивать с поезда. Потому что на вокзале, как обычно, их поджидали рэкетиры и милиционеры – те же рэкетиры, но в погонах. И интуиция их не подвела. Стук в дверь вагона непрошеным гостем вторгся в шум их голосов в разгоряченном споре и грохот идущего поезда. За дверью послышался голос проводницы, предлагающей им чай. Бур открыл дверь. Сколько раз он мысленно вновь и вновь открывал ту дверь, пытаясь остановиться. Передумать. Не открывать ту проклятую дверь в надежде переиграть, изменить судьбу. Он увидел проводницу – растрепанную, в разорванной блузе. От резкого удара она с коротким вскриком отлетела по коридору в сторону. Банда налетчиков с ножами ворвалась в купе. И молниеносно вырезала всю компанию Бура. Бур лежал без сознания в кровавой гряде сваленных тел своих друзей-«челноков». Из небытия его вырвали стоны его друзей. Он очнулся, словно оглянулся из другого мира. И, прижимая рукой рану на животе, которую нанес ему «голубоглазый», плотного сложения, но без особых примет рэкетир, его же ровесник, Бур, преодолевая боль, сделал несколько глубоких вдохов. Но тело не слушалось его. Боль, ослепительно жгущая боль, очертила контуры его тела, его самого – прежнего, покидающего лежащего в крови Бура, унося с собой воспоминания обо всем

прожитом, о Зое, о праздновании несколько лет подряд дней рождения дочери. Оставив ему лишь наступающие и поглощающие его холод и боль. Встать он уже не мог – тело его не слушалось.

Словно пытаясь отгородиться от всей этой непосильной реальности, Бур закрыл окровавленными руками свое лицо, уже смирившись с неизбежностью своей гибели.

И вдруг, выпав из воспоминаний, он очнулся. Оглядывал свой кабинет, как вернувшийся издалека. Зои рядом не было. Он поднял отяжелевшую голову из сложенных ладоней, которыми закрывал лицо, и на мгновение удивился, что они чистые, не в крови. И что он – не в купе. Он здесь, в этом благополучном, годами выстроенном им вместе с Зоей их общем мире. Все хорошо! Ночь. Жена спит. В потемках светился дисплей. Бур увидел на дисплее, что появился новый участник конкурса. Обрадовался, что появилось что-то новенькое, что можно отвлечься от воспоминаний.

Бур не сразу разобрал непривычную на слух то ли фамилию, то ли ник – «Йёльс».

Произнес медленно, пробуя на слух:

– Йёльс! Это Йёльс! Йёльс??? То ли это фамилия? То ли персонаж какой-нибудь модной японской анимашки? Ну, почитаем! Разберемся... кто таков этот Йёльс! – вздохнул Бур, надевая очки.

На аватарке, похоже, реальная фотка – симпатичный пожилой интеллигент, но под непонятным ником. Какие только ники не придумывают! – размышлял Бур, начиная читать то, что выставил на форуме Йёльс.

3. Йёльс

Йёльс никогда не переезжал из своей коммуналки. Ни в 37-м году, когда ночью увели отсюда отца и по 57-й статье сделали Йёльса сиротой. Ни тогда, когда после этого «уплотнили» их квартиру, заселив чужими людьми кабинет отца, спальню родителей. Моментально превратив в «густонаселенную коммуналку» эту изысканную квартиру интеллектуала 20-х – начала 30-х годов, стены которой украшали картины даже в коридорах. Квартиру, где любили собираться поэты и литераторы, композиторы и актеры, имена которых стали легендами своего времени, но порой – и забытыми легендами. Густота «густонаселенной коммуналки» определялась длиной очереди в туалет по утрам, клацканием крышек кастрюль и многоголосьем перебранок на общей кухне, и количеством бумажек на косяке входной двери с фамилиями глав семейств, в ней живущих, с цифрами, поясняющими, сколько раз кому нужно позвонить, чтобы дверь открыл именно тот, к кому пришли.

Разномастный рой таких наклеенных вокруг дверного звонка бумажек – первый признак советских коммуналок. Но в 90-х, когда появилась возможность, он приложил все усилия, чтобы разъехаться с соседями – разменять этот безумный Вавилон. И это ему удалось, хотя и ушел на это не один год его стараний и усилий. Здесь же в квартире он обустроил свой издательский редакционный офис в старой части города. В старинном московском особняке на Садовом кольце – мечта, оплаченная судьбой и жизнью! К счастью, старательно выстроенный семьюдесятью годами советской власти тотальный дефицит на все предметы соцкультбыта – от трусов и одежды до автомобиля, в том числе и на книги – позволил ему как издателю успешно реализовывать в первые перестроечные годы свои самые смелые издательские проекты и продавать книги в тот переходный период начала перестройки с весомой прибылью. Благо, что тогда интеллектуальный голод еще не был удовлетворен, слишком много хорошей литературы еще недавно в советской действительности числилось под запретом цензуры. Благодаря чему одновременно и читательский живой интерес был ярок и азартен, как азартен охотник, добывающийся желанной добычи.

Словом, в перестройку Йёльсу удалось организовать свое небольшое издательство. Заказчики, желающие издавать свои книги на волнующие их темы, возникали стихийно, но главное, что возникали. А реже или чаще – все равно! Главное, что они были! Так что дела шли хорошо. И новое лицо юного капитализма широко и приветливо улыбалось. Правда, до своей книги – сборника стихов – руки как-то не доходили.

И так Йёльс жил и работал в своей же бывшей коммуналке, расселенной и превращенной его стараниями в престижную квартиру с евроремонтом в элитном районе Москвы, которая радовала его. Была любима им все прошедшие и в эти годы.

И теперь Йёльс и все, что было пережито в этих стенах, остались один на один. Он точно хранил этому миру особую верность, потому что в его стенах было то, что было главным в его жизни, невозвратным, ушедшим, отнятым навсегда, но само место действия он охранял от перемен. И сберег это, несмотря ни на что!

В тот вечер его подруга, очаровательная женщина лет на тридцать моложе его, осталась ночевать у себя дома. И Йёльс, расхаживая по комнатам с современным интерьером в прежних стенах бывшей совковой коммуналки, по привычке старого холостяка рассуждал вслух, прихлебывая остывший чай из любимой кружки, о прочитанном у соучастников конкурса «Триллер»:

– Эх! Ребятки! Ха-ха! Триллер?! Хм! Молодые! Думают, что триллер – это непременно перестрелка, поножовщина, ужасы застенков в тусклом освещении. Ну, насчет тусклого освещения – пожалуй, я согласен. Но вы бы вкусили ада совковой коммуналки! Вот это был

бы триллер! А напишу-ка я сам об этом! А что? И напишу! – подбадривал Йёльс сам себя, словно уговаривая себя сесть за работу.

Начал с того, что сел в любимое кресло и, повернувшись к выключенному компьютеру, уставился в незашторенное окно, все дальше уплывая в свои воспоминания. Пушистый снег за окном сыпался с небес все быстрее и быстрее. Пока не превратился в сплошную туманную белизну перед его глазами. Потом эта все обволакивающая белизна превратилась в белый лист А4, заправленный в старенький «Ундервуд» бабушки Йёльса. И это нисколько его не удивило. Потому что даже во сне он догадался, что заснул.

Йёльсу снился бабушкин «Ундервуд» с заправленным белым листом, на котором сверкали солнечные зайчики Одессы лета 1920 года. «Ундервуд» с Ъ в конце названия, стоявший на плетеном столике, всегда манил маленького Йёльса. И сейчас, торопливо, в ожидании бабушкиного оклика из гостиной, он поглаживал эту самую заветную и желанную, но строго запрещенную для него, малыша, игрушку. Из круглых в металлических ободках клавиш, похожих на кнопки, буквы поблескивали на солнце. А некоторые из букв прямо у него на глазах прорастали навстречу его счастливой детской улыбке незабудками. Из букв К, О, М, М, У, Н, А, Л, К, А эти голубенькие незабудки с удивлением всматривались в маленького голубоглазого, как и они сами, Йёльса, в синей бархатной расшитой узорами тюбетейке, без которой мама и бабушка не разрешали выходить играть во двор на летний одесский солнцепек, и в полосатой крахмальной рубашечке с отложным воротничком, подхваченным синим шелковым бантиком. Вечно развязывающимся на самом интересном месте: когда он почти уже накрывал ярким марлевым колпаком сачка бабочку, во время игры с мячиком или в прятки во дворе, прогулок по набережной. Тот самый атласный бант, который так красиво и терпеливо по несколько раз в день могла завязывать только его мама.

Йёльс с досадой вынырнул из этого сна, сожалея, что не удалось побыть там подольше и что не удалось во сне увидеть маму. И Йёльс уверенно протянул руку к кнопке включения компа.

И он включил свой компьютер. И набрал название своего триллера – «КОММУНАЛКА». Задумался и стал вспоминать. Вспоминать! Как шаман вызывает к духам былого, так и он словно извлекал из тьмы прошлого забытые души ушедших времен.

И вспомнилось ему многое. Так, что незаметно и для себя самого он мысленно перенесся в сердцевину теперь уже прошлого века.

Он закрыл глаза – и словно растаяли стены этой же квартиры. И властно проступили сквозь стены пар и чад кипящих кастрюль. Проявилась та, прежняя, густонаселенная коммуналка. И прошлое той густонаселенной коммуналки буйным призраком ворвалось и заволокло пространство, вытеснив евроремонт современной квартиры, издательский офис нового времени. И самого Йёльса, превратив его в призрака-соглядатая своего же былого. Йёльс узнал всю свою квартиру по сантиметру, отчетливо всплыли запахи, звуки квартиры. И застучавшая в висках кровь вдруг преобразилась в бой курантов по радио – позывные тех лет.

Диктор, задорно повествуя, озвучивал текст передовицы новостей о битве за урожай и о том, что жить стало лучше, жить стало веселей. Йёльс машинально поднял руку и прикрутил звук висящего в коридоре динамика. Но тише не стало. Другой – кухонный шум заполнил все пространство. Шум струился из коммунальной кухни, где толпились соседки по коммуналке, готовящие еду, и одинокие бобыли-соседи, употреблявшие в углу кухни свою прозрачную – всегда готовую и неиссякающую пищу своих туманных богов из граненых стаканов. Спешно и громко занюхивая ломтем черного хлеба сивушное послевкусие. Проворно закусывая его бычками в томате из консервной банки, общей для всех участников этой кухонной дегустации. По-домашнему одетые в майки и синие сатиновые трусы, а для солидности – на головах надвинутые на затылок выдавшие виды кепки.

Этот переход в кухню дался Йёльсу легко – без усилия, без единого движения. Он сидел в кресле, а воспоминания сами мощным прибоем накатывались на него, разбиваясь друг о друга, быстро сменяя кадры этой его личной кинохроники. Среди кухонного шума и дымящегося пара, вырывающегося из кастрюль, соседки вдруг насторожились. В привычный шум вплелось нездешнее звучание и ритмы другого мира.

И, перекрикивая шум бурлящего кипячения белья на газовой плите, где в кипятке с бульканьем метались простыни и нижнее белье, соседка Катька насторожилась настолько, что ее свежие сплетни ей самой вдруг стали неинтересны. И она смолкла. Отодвинув синие сатиновые семейные трусы и свои розовые панталоны с начесом, она, ловко подцепив половником, выудила из кипящей в тазу лавы белья свой особо любимый совковый голубой атласный лифчик на крупных растрескавшихся от кипячения пуговицах, чтоб не сварился в кипятке и не утратил остроконечности своих задорных форм.

Но так и застыв с ним на вытянутой руке с половником, переспросила другую соседку Маньку:

– Слышь? А? Слышь? Мань! Ну, точно – опять эта пердячая музыка! Дыжас!

– Джасс? Ужас! Опять завел среди дня... И как не боится? Вот напишет «кто – куда и кому надо»! Найдется и на него свой «ухо, горло, нос»! Да, небось привел к себе какую-то кралю. И этим джазом глушит, чтоб мы не услышали – не догадались. Но от нас не утаишь! Мы бдим: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра Родину продашь!»

Манька тоже всегда готова «бдить и бдить», лишь бы не скучать:

– Ишь! Аморалку на дому развел! А че?! Нужно разобраться! От кого он там маскируется? От нас? Кого прячет? – воодушевленно, словно проснулась, раскуражилась Катька.

Тут как раз всплыла в кухню и Эсфирь Давыдовна, бывшая учительница, а с годами пошла на повышение и стала работником Гороно:

– Вот, вот! Товарищи! Смотрите! Принесла для всех – «Моральный кодекс строителя коммунизма», – сказала Эсфирь Давыдовна, развернув плакат «наглядной агитации» и распластав его по своему телу для наглядности по вертикали, словно она и была той стеной, единственно достойной стеной, чтобы нести эту агитацию. – Куда вешать будем? Давно нужно было повесить! А то совсем совесть потеряли! Нет, Мань, сюда не будем вешать! Тут же – расписание, чья очередь полы и сральник мыть! – возразила Эсфирь Давыдовна на вялую инициативу Маньки, показавшей пальцем на место между дверями в коридоре.

Манька с Эсфирь Давыдовной всегда и во всем была несогласная, и потому готова была ей возражать по любому поводу:

– И сюда тоже не годится! Тут «кто и сколько света нажег» и «кто задолжал» на другом листочке висит. Сюда точно никак не годится!

Но Эсфирь Давыдовна – закаленный общественник, без боя не сдается:

– Девочки! Так что же, нам и «Моральный кодекс» повесить некуда? У нас на работе в Гороно выдавали. Много завезли. Я и подумала, что и нам пригодится!

И как дети рады новой игре, так все на какое-то мгновение оставили свои хлопоты и занялись, споря друг с другом, решать, куда повесить «Кодекс строителя».

И, наконец, в чад и пар коммунальной кухни всплывает аромат «Белой сирени», а за ним всплыла и красавица тех лет – Нонна со своим чайником в руке, чтобы позавтракать и попить горячего модного какао. Ее всегда немисливо взбитая челка свидетельствовала, что сладкоголосье Элвиса Пресли перелетало через океан перелетной птицей мечты. И никакой «железный занавес» не сможет остановить ее. И волосы безумным взбитым коконом модной прически возвышались на затылке ее гордо посаженной головы. Яркая помада, смело подведенные стрелками глаза, весь ее облик сбивал все привычные стереотипы образа женщины тех лет, словно сама Мэрилин Монро забрела в советскую коммуналку. Небрежно поправляя

на плече непослушную бретельку комбинации, она не упустила случая сделать замечание Эсфири Давыдовне:

– Так, так! Эсфирь Давыдовна! Итак, говорите, что в Гороно завезли для просветительской работы среди трудящихся масс «Моральные кодексы строителя коммунизма»?! А вы воспользовались служебным положением, изъяли и утаили от народа и мораль, и кодексы?! Ведь кому-то теперь ни морали, ни кодекса не достанется!!! Вот уже и мораль сделали дефицитом! Скоро мораль из-под полы доставать будем, как ботинки на зиму! Да это, знаете ли, – подрывная деятельность!

Эсфирь Давыдовна побледнела и не на шутку испугалась точности формулировок языкастой Нонки. И она испуганно залепетала:

– Что вы, Нонночка! Я – член партии! Я в жизни нитки чужой не взяла.

Машка, с радостью чуя назревающую драку, тоже вскуражилась и не упустила момент, чтобы съязвить:

– Да уж – не мозг... сразу видно! Бесхозяйственная! Вот именно, лучше бы нитки в дом запасла. Нонка! А кто там у этого нашего Йёльса гостит? А? Знаешь?

– Знаю! – загадочно, набивая себе цену, медленно ответила Нонка, зажигая конфорку под своим алюминиевым чайником.

И как на поживу, забыв недавние распри и про мораль, и про кодекс строителей коммунизма, все сгрудились вокруг Нонки, хранительницы соседской тайны молодого Йёльса. Доведя до кипения степень их любопытства, она не спеша, молча пошла к своей тумбочке на этой кухне. Достала чашку. И только прочувствовав лопатками под своим красным китайским халатом с вышитыми дерущимися драконами, насколько колючими стали взгляды соседей, нацеленные на ее спину под прикрытием вышитых драконов, она медленно повернулась к соседкам. И ответила на застывший в их глазах немой вопрос:

– У Йёльса? Там – не – я! Энт-то точно! А ты, Эсфирь Давыдовна, на свою дверь и кодекс, и мораль повесь! – окончательно парировала Нонка. Уходя в свою комнату, чтобы не ждать на кухне, пока закипит ее чайник.

Нонка услышала, как Машка не смогла упустить «свой выстрел» и выпалила Эсфири Давыдовне:

– А лучше – на сортир, все одно утром в очереди маяться. Вот и почитаем... пока есть че да негде сделать! Не, ну чего вы на меня так смотрите?.. Я ж активистка, в дружине состою, борюсь с хулиганьем и распитием, – затараторила Машка, удивленная, что не встретила солидарности.

Катька отвлеклась от своей кастрюли и тоже решила поучаствовать:

– Ага! Видно, и Кольку своего бесстыжего там и выловила на работе. И прихватила... видимо, плохо лежал! Тоже использование служебного положения пришить можно!

Манька, неожиданно повеселевшая, стала приплясывать дикую смесь чечетки и «Камаринской», весело припевая, затараторила, как частушку, новую байку, оказавшуюся кстати:

– Ага! «Тащи с работы каждый гвоздь! Ты здесь – хозяин, а не гость!» Ча-ча-ча!!!

Сорвав одобрительные возгласы дегустаторов в углу кухни, Манька, ловко отбивая чечетку, объединилась с Катькой. И они напустилась на модницу Нонку, как раз вернувшуюся в кухню за сахарницей и посмотреть, как там ее чайник. Она готовилась идти на работу, и поэтому была с одним подведенным глазом и в кружевной комбинации с наброшенным и небрежно запахнутым красным китайским халатиком:

– Да ну ты! А ты бесстыжая! Прикрылась бы! Срам ведь!

Но Нонна, закаленный боец на коммунальной кухне, резким и прицельным движением зачерпнула деревянной хваталкой нечто из большого алюминиевого чана, в котором кипятилось белье соседки, и, подхватив, достала что-то из нижнего белья.

И, показывая соседкам свой улов – розовый лифчик-побратим того голубого, от которого в этот момент отлетели пуговицы размером в пятак, она ответила, трясая им перед соседками:

– Вот это срам! А это – импорт! – добавила она, показывая изящную бретельку своего роскошного лифчика, одним едва уловимым движением сбросив с плеча свой драконовый халатик.

Аргумент был столь очевиден, что отвечать можно было только тяжелой артиллерией. И она не заставила себя долго ждать. Манька воинственно уперлась в бока и сказала:

– А, импорт?!! Значит, с иностранцами шьешься?! Шалава! А статью помнишь? С Зоей Федоровой, и с той не поцацкались! Не забывай! А ее вся страна знала! Смотри! Допрыгаться!

Но даже для боевитой Нонки это было чересчур:

– Я – шалава?!! Я – демонстратор одежды в Доме моделей на «Кузнецком Мосту»! Какие иностранцы?! Наши советские художники-модельеры делают модели, а мы – демонстраторы одежды, мы – манекенщицы – их показываем!

Катерине стало не до ее кипящих на плите щей, щедро заливавших брызгами общую плиту:

– Во во! Все без утайки людям показываешь! А что художники, что иностранцы – один черт! Они нам всем что прыщ на ж...!

И тут она выразительно хлопнула себя по заднице и продолжила:

– Тунеядцы! А и на это статья есть! За тунеядство!!! Пора сажать всех художников!

Драка между соседками вспыхнула мгновенно. Дикая, тупая и страшная. Кто-то преднамеренно опрокинул чан с кипящим бельем, кто-то схватился за нож. Мелькнул топор в руках дегустаторов, которым тоже захотелось размяться.

А это время в комнате Йёльса, несмотря на все «праздники любви», доносящийся из кухни воинствующий шум проник в его комнату, заглушая звук крутящейся пластинки.

Йёльс подошел к своей двери. И, прижавшись ухом к двери, стал слушать, пытаясь разобраться, что там произошло. За его спиной в постели лежала обнаженная прекрасная дама. Его Дама. Она была сильно напугана. Его комната с забитыми до потолка книгами книжными полками, поставленными друг на друга на книжные шкафы, была узкой и длинной. О чем он шутил: «Поставить бы эту комнату на бок!»

Громко звучащая заезженная, со скрипом крутящаяся пластинка Луи Армстронга тоже мешала расслышать, что там творилось. «Хелло, Долли!», как назло, стала заедать, прокручивая на месте одну и ту же фразу. Вместо помощника, маскирующего от той реальности радость его свидания, Долли стала врагом, мешающим разобраться, что к чему, чтобы принять правильное решение. Йёльс привычным полужестом поправил пластинку и в ответ на испуганные расспросы жестами изящных рук, украшенных нежно-розовым маникюром: «Что там случилось?», Йёльс смог ответить, что он и сам не понимает, только в недоумении пожал плечами.

А в это время в коммунальной кухне уже разгорелась настоящая драка. Вопли раздавались совсем не шутейные. Но резкий звонок в дверь остудил в мгновение и этот накал страстей. Только что убивавшие друг друга соседи моментально переключились и всей толпой повалили к двери. Предательски долгий звонок сотрясал всю коммуналку.

В холодном и сыром подъезде стояла почтальонша. Она, не отрывая крепкого указательного пальца от кнопки, звонила и звонила. Звонила одним нажимом, потому что ей был нужен именно Йёльс. Среди бумажек у звонка на одной было четко написано: «В. М. Йёльс – один звонок». Почтальонша удивилась – почему так долго не открывают? Ведь жильцов там, в этой коммуналке, что килек в бочке!

Толпа соседок, оставив склоку, повалила по коридору открывать дверь. Открыв дверь, они увидели, что это – почтальонша. Она принесла телеграмму Йёльсу, что было как нельзя более кстати для них. Все тотчас сообразили, что теперь всех их ждет впечатление, которое затмит все предыдущие склоки в коммуналке. И, предвкушая радость первенства в рассказах во дворе будущей свежей сплетни – «как они накрыли и застучали Йёльса за этим делом...», словно шпиона поймали, – скумекали, что телеграмма заставит Йёльса открыть дверь. И тогда вся толпа носителей морального кодекса насладится тем, что раскроет тайну Йёльса. И они увидят и устыдят развратницу на радость всем! Ведь телеграммы положено вручать только в руки после личной росписи получателя-адресата. И тогда все узнают, кого же приводит в свою комнату разрушитель их моральных устоев. Вся толпа билась и стучалась в дверь молодого Йёльса, оттеснив почтальоншу, чтобы быть в первом ряду заветного зрелища, они кричали:

– Открывай, Йёльс! Открывай! Тебе телеграмма!

Ведь как только он приоткроет дверь, покажись только щелочка, уж они-то общими усилиями сразу распахнут его дверь. Все хотели застучать любовников и полюбоваться картиной разврата, которого всем им явно не хватало.

Йёльс и его дама очень нервничали, остолбенев от ужаса перед натиском на входную дверь комнаты Йёльса. Оба были озадачены, что же делать. И вот Йёльс жестами дал ей понять, что он кое-что придумал. Он быстро оделся, чтобы выйти на улицу. Костюм, осеннее – по сезону – пальто. Надел шляпу и залихватски набросил яркий пестрый шарф. Потом встал на подоконник. И осторожно по выступам на каменной кладке стал переползать в соседнее окно на его же этаже, которое, к счастью, оказалось открыто.

Этаж высокий. Ему было очень страшно. И даже теперь старый Йёльс отчетливо вспомнил, как он и тогда всем телом ощущал, как это было опасно. Пару раз он соскальзывал, и сердце старого Йёльса от этих воспоминаний обрывалось и заходило в тахикардии. Но все же ему удалось ухватиться за водосточную трубу. Он смог залезть на соседский выступ подоконника. Влез в комнату соседей, где пьяный до бесчувствия муж Маньки – сосед с наколкой на руке «закат» и подписью «Коля» – спал непробудным сном на железной кровати. За его спиной красовался гобелен с пьющими у ручья оленями, замершими в недоумении, глядя на проходящего по комнате Йёльса с немим вопросом: «И как нас сюда занесло?»

На цыпочках Йёльс пробрался через соседскую комнату, радуясь, что жена Кольки застряла в коридоре у его же двери. И пока вся толпа штурмовала и пыталась высадить дверь в его комнату, он выскользнул в коридор. И, оставаясь незамеченным ими, из коридора прошмыгнул в незапертую входную дверь. Стараясь не производить лишнего шума, он не стал закрывать входную дверь, а лишь прикрыл. Это с любопытством и сопереживанием наблюдала стоящая в стороне от соседей в уже разорванном халате и со смятым начесом Нонна, прикладывающая медный пятак к потемневшему подглазью. Йёльс так же настойчиво, как до того почтальонша, стал звонить в дверь коммунальной квартиры, упорно делая звуковую комбинацию: три длинных и один короткий звонок – позывные Нонки, ее звонка. Нонка, быстро сообразив, что к чему, бросилась к двери. И с возгласом наигранного удивления открыла по-осеннему одетому Йёльсу входную дверь. Сама в изумлении глядя на него, как это ему удалось. Но толпа была слишком увлечена и не хотела отлипнуть от двери комнаты Йёльса. Йёльс хлопнул дверью как можно громче. Все оглянулись и изумились тому, что на пороге оказался Йёльс, как бы вернувшийся с улицы. И что оказалось, что Йёльса вовсе не было дома. А значит, и с развратом – полный пролет! Что особенно обидно! Йёльс, наслаждаясь победой, громогласно обругал оторопевших соседей:

– Полная квартира бездельников!!! Тунеядцы! А дверь открыть некому!!! А что здесь за цирк у моей двери? Если повредили, то с каждого взыщу! В товарищеском суде разбираться будем!

Соседи, почуяв явный перевес, тотчас разбежались по коридору: кто – обратно в кухню, кто – по своим комнатам. Только Нонка чуть задержалась, прыскающая от смеха, увидев, что он обут в свои тапочки. Но, подмигнув ему подбитым глазом, тактично повернулась и пошла к себе до того, как он открыл дверь своей комнаты. И теперь он спокойно открыл свою дверь, обернувшись, чтобы с благодарностью вполголоса сказать Нонке:

– Спасибо!

Когда он приоткрыл дверь, увидел, что там – замершая и побледневшая от ужаса, натянувшая до глаз одеяло и вжавшаяся в стену его возлюбленная.

«Ее расширенные от ужаса глаза...», – напечатал старый Йёльс и с удовольствием, широко раскинув руки, потягиваясь, откинулся на спинку кресла, стоящего в той самой комнате, десятилетия спустя описанных им событий. Он вспоминал те испуганные, огромные от страха глаза. Запах ее духов. Правда, никак не смог вспомнить ее имя. Потом собрался и допечатал эту историю и поместил этот текст в базе сценариев для прочтения всеми участниками конкурса «Триллер».

Йёльс засмеялся, вспоминая о той давней истории его вынужденного джентльменства. И смех его отозвался гулким эхом по большой пустой квартире, той самой бывшей коммуналке. Тут вдруг с досадой понял, что так и не смог вспомнить, как звали Прекрасную Даму, ради которой он решился тогда на ту смертельно опасную авантюру.

«Что ж, столько лет прошло!» – подумал он, глядя на дисплей. И тут он заметил, что на конкурсе «Триллер» появилась новенькая – с нежным ником «Миралинда». Ее аватарка появилась на дисплее. Он не удержался и, со свойственной ему язвительностью приветствуя ее, пошутил: «Неужели и Вы, сударыня, с таким поэтическим ником «Миралинда» будете писать триллер?» Дальше, как обычно на форумах, – слово за слово... вот и общение. Шутя играют словами ненаписанных романов и стихов. Но неожиданно Миралинда извинилась за то, что ей сейчас придется отключиться – неотложные дела зовут. Йёльс почувствовал сожаление, что пришлось прервать общение. Это странное общение, по его понятию, на виду у всех в виртуальном пространстве.

4. Наталья

Глубокая ночь с ее драгоценностью – тишиной, тем более в большом городе, – самое время писать. Бабушку свою Миралинда, вернее Наталья, уже пару часов назад уложила спать. И теперь она полностью смогла уйти в свои занятия. В голове крутилось забавное замечание этого забавного старикана Йёльса, старомодно галантного и приятного собеседника, о том, что «Миралинда» – и вдруг – триллер. О том, что это мало совместимо. Она задумалась, и вихрь воспоминаний унес ее далеко. Ей вспомнилось, как Витас впервые назвал ее так – Миралинда. Это было здесь же, в комнате Натальи, двадцать пять лет тому назад. К ней приехал из Вильнюса ее возлюбленный – Витас. Разбросанные вещи, его раскрытый чемодан, рассвет в ее комнате лучами стирает пыль прошлого. И все становится отчетливее и яснее. И воспоминания окружили ее, оттолкнув реальность как что-то неважное. И она вспоминала.

Лето. Утро. Они с Витасом – в постели. Он нежно называет ее, полусонную, Миралиндой, убирая разметавшиеся локоны с ее лица. Любуясь ею. Да... он так и сказал тогда:

– Ты – моя Миралинда. Ты – истинная Миралинда! Миралинда...

Так нежно ее называл он. Она, не открывая глаз, словно пытаясь продлить еще ненадолго, удержать эту ночь, спросила его спокойно и без тени ревности:

– Кто это – Миралинда? Твоя первая любовь? Нет, я сама, дай угадаю! Наверное, это фея из любимой сказки?

– Нет! Это какая-то моя пра-пра... от которой и пошла наша ветвь Радзивиллов.

Наталья остановила этот затянувшийся исторический экскурс поцелуем. Но она на мгновение задумалась. И ее лицо, такое счастливое, вдруг стало на глазах грустным. Она печально взглянула на висящий на стене календарь. Он перехватил ее взгляд и, понимая, тихо сказал:

– Да! Завтра обратно, в полночь вылет из Шереметьево. А утром – рубашка + галстук + запонки... и на работу.

Наталья сильно вспылила тогда:

– Чертовы Радзивиллы!!! Если бы они знали, какую западню приготовили своему праправнуку спустя столетия, то не кичились бы своей изысканной кровью!

Витасу нечего было возразить на это. Только просить прощения за все прожитые и не прожитые ими вместе годы:

– Прости! И мать не могу бросить, и в Москву не могу перебраться. Сплошное «не могу»! И во всем виноват! Мать после инсульта, но эта бесконечная спесь продолжает управлять ее жизнью: «Мы – Радзивиллы! Мы ответственны за свою кровь!» И без конца обзвоны-перезвоны с приятельницами. И беседы с малознакомыми людьми на такие личные темы! Сватовство сына, но – непременно с родовитой невестой! Отвратительно!

– Можно подумать, что ты не сын ее, а племенной бык! – возмутилась Наталья.

– Прости! Я – идиот! Не должен был рассказывать это! Просто самого это так достало, что – вот!!! Не выдержал и пожаловался... тебе же! Поверь, мне стыдно за нее и жаль. Она – заложница собственной глупости!

Наталья, вздохнув, встала и набросила ситцевый халатик с мелкими голубыми цветочками. Пошла в душ, заметив вслух на ходу:

– Да! Жалуются только близким!

– Я измучил тебя! И так все эти четырнадцать лет. Вылет из Вильнюса и перелет в Москву каждую субботу-воскресенье, – он даже не пытался оправдываться. Это уже не имело никакого смысла после прошедших 14 лет их перелетной любви.

«Вылет из Вильнюса и перелет в Москву каждую субботу-воскресенье», – эхом далекого прошлого повторила Наталья те давние слова Витаса. И словно очнувшись из забытья, произнесла это вслух.

Посмотрела на дисплей. Увидела выставленный Йёльсом триллер «КОММУНАЛКА». И начала читать, чтобы больше не вспоминать то, что и спустя двадцать пять лет причиняло боль.

История Йёльса о жизни и его галантности в коммуналке очень понравилась Наталье.

Наталья-Миралинда задумалась, сидя у дисплея и вспоминая прошлое. Но вдруг очнулась и написала ответ Йёльсу, диктуя самой себе шепотом: «Все же мне кажется, что Ваша история не тянет на триллер! Совсем иная стилистика. Но сама по себе история очень мила. И прочитала я ее с большим удовольствием».

Наталья-Миралинда отослала свой пострецензию. И, просматривая форум, увидела новый пост – ответ некого Вируса на то, что она написала Йёльсу. Он едко и желчно высмеивал их обоих, грубо вмешавшись в их диалог. Она поняла, что «нарывается» на этого новичка на конкурсе под ником «Вирус», который в самой хамской манере высмеивает атмосферу на конкурсе. Он критиковал их за то, что все они слишком любезны и рассыпаются в комплиментах друг перед другом на этом «слащавом» форуме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.